

СЕТЬ ОТНОШЕНИЙ КАК НОВАЯ СВЯЗАННОСТЬ МИРА И ЕЁ НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

НАЗАРЕНКО Алексей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, e-mail: alek_nazarenko@mail.ru, РИНЦ. Author ID: 722165

Аннотация

Цель – выявление предпосылок появления синтетического неклассического оператора – сети взаимодействий, способствующей запуску процесса формирования новой связанности субъективностей, и ее политическая интерпретация. Речь пойдет о поиске нового универсального подхода к описанию, анализу и синтезу сложных фрактальных социальных конструкций, в основе которых лежит субъективная неопределенность их элементов. Сетевой взгляд тяготеет к феноменологии и предполагает переосмысление феномена субъекта путем замены распространенного (силового, ньютоновского, субъект-объектного) представления о мире новым (сетевым, квантовым, субъект-субъектным). Ключевым элементом, артикулирующим логику сопряжения субъектов, являются их «образы», детерминированные господствующим дискурсом и обретающие таким образом политическую суть, и их генетическая основа – господствующий дискурс. В результате сетевые политические отношения будут ориентированы не на выстраивание структур, систем и институтов, а на производство множественных дискурсивных практик. Как следствие, главной целью этих отношений будет не образование устойчивых социальных структур или институтов, а обмен смыслами, позволяющими достигать временного согласия между узлами сети отношений. Возникающая сложная ментальная конструкция политических отношений между субъектами заставляет пересматривать их генеральную логику – от нисходящей, простой «субъект – объект – свойства – отношения» следует перейти к иной, сложной, восходящей «отношения – дискурс – свойства – субъект». Смена логики взаимодействия субъектов заставляет по-новому взглянуть на все классические политологические дефиниции. В частности, на многополярность и суверенитет, позволяя избежать попадания в субъективный или объективный тупик, чреватый впоследствии самоизоляцией и утратой активности, что характерно для настоящего времени.

Ключевые слова: отношения, субъектность, сеть, дискурсы, политическое, многополярность, суверенитет, политические институты, социальные институты.

Цит.: Назаренко А.В. Сеть отношений как новая связанность мира и ее политическое наполнение // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 4. – С. 15–30.

**NETWORK OF RELATIONSHIPS AS A NEW CONNECTEDNESS OF THE
WORLD AND ITS NEW POLITICAL READING**

NAZARENKO A.V., Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: alek_nazarenko@mail.ru

Abstract. *The goal is to identify the prerequisites for the emergence of a synthetic non-classical operator - a network of interactions that contributes to the launch of the process of forming a new connectedness of subjectivities, and its political interpretation. We will talk about the search for a new universal approach to the description, analysis and synthesis of complex fractal social structures, which are based on the subjective uncertainty of its constituent elements. The network view gravitates towards phenomenology and involves rethinking the phenomenon of the subject by replacing the common (force, Newtonian, subject-object) idea of the world with a new one (network, quantum, subject-subject). The key element articulating the logic of the pairing of subjects is their "images", determined by the dominant discourse and thus acquiring a political essence, and their genetic basis - the dominant discourse. As a result, network political relations will be focused not on building structures, systems and institutions, but on the production of multiple discursive practices. As a consequence, the main goal of these relations will not be the formation of stable social structures or institutions, but the exchange of meanings that will allow achieving temporary agreement between the nodes of the network of relations. The emerging complex mental structure of political relations between subjects forces us to reconsider their general logic - from the descending, simple "subject - object - properties - relations" we should move to another, complex, ascending "relations - discourse - properties - subject". The change in the logic of interaction between subjects forces us to take a fresh look at all classical political science definitions. In particular, on multipolarity and sovereignty, making it possible to avoid falling into a subjective or objective dead end, which is fraught with subsequent self-isolation and loss of activity, which is typical for the present time.*

Keywords: *relationships, subjectivity, network, discourses, political, multipolarity, sovereignty, political institutions, social institutions.*

For citations: *Nazarenko, A.V. (2023) Network of relationships as a new connectedness of the world and its new political reading // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 4. P.15-30.*

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в эпоху, когда лавина противоречивых событий – «знаков» заставляет переосмысливать основы мироустройства. Эти «знаки» в равной степени могут быть оценены или как знакомые и привычные, или как абсурдные и непонятные, или как приятные и отталкивающие. Приходится потрудиться, чтобы отыскать в них то, что станет достойно нашего внимания, что может быть важно для нас в данный момент и что впоследствии может явиться первоосновой для принципиально иной, новой реконструкции реальности в нашем сознании. Это подталкивает к определённым действиям: угнетать и конфликтовать или ублажить и примирить себя с самим собой и со своим окружением. Если «всякая причинность», а, следовательно, «всякая материя», а с нею и вся «действительность» существует только для «рассудка, через рассудок, в рассудке», то самым простым и постоянным его проявлением действительно становится «интеллектуальное созерцание «действительного мира». Благодаря этому и познаются «причина и действие» [13; с.31]. Закономерным следствием этого становится то, что все «построенные» человеком для себя и лишь на первый взгляд логически непротиворечивые психоаналитические цепочки причинно-следственных связей, с помощью которых он пытается объяснить логику и алгоритм своего поведения в постоянно изменяющемся мире, базируются на весьма зыбкой основе – на игре разума вкупе с доступными в данный момент виртуальными механизмами формализации избранной модели. Становится очевидным то, что каждая созданная на подобных принципах формализованная модель человеческого поведения может считаться лишь «нулевым» приближением к реальности и то только для определённого класса задач и в определённой зафиксированной во времени ситуации.

На этом фоне, благодаря развитию современных технологий, человеку с его «играми разума» был преподнесен сюрприз, последствия которого никто не мог предсказать заранее, но который существенным образом смог изменить восприятие реальности, а значит, и алгоритм действий в контексте «причина – действие». Дело в том, что внутренний, виртуальный мир человека теперь обрел возможность «покинуть» его пределы и вступить во взаимодействие с виртуальными мирами других людей. Все созданные человеком виртуальные образы, как объекты, начинают оказывать влияние на его реальную субъектность, дополняя ее или вступая с ней в явное противоречие. Причем каждый новый облик виртуального образа оказывается способным детерминиро-

вать реальный облик субъекта лишь до того момента, пока не достигнет определенного предельного уровня развития психофизической сферы человека. Всё дело в том, что в виртуальной сфере не существует ответственности за производимые человеком действия, которые всегда могут быть изменены или отменены без каких-либо последствий. Налицо отсутствие реальной возможности их регулировки. Умножая образы и превращаясь в центр всех бытийных горизонтов, человек обретает возможность для моделирования определенной последовательности событий, стремясь при этом сохранить свою субъектность при любом переходе от виртуальности к реальности и наоборот.

Поскольку речь идет о сложном, множественном, вариативном сопоставлении огромного числа зачастую противоречивых данных наблюдений с результатами собственных переживаний и «глубинных» теоретических построений, человеку приходится искать всё более и более сложные причинно-следственные алгоритмы по сравнению с классическими, ньютоновскими, связывающими между собой три переменные величины – массу, силу и ускорение. Заметим, что даже в столь жестко детерминированной модели множественных причинно-следственных связей, но уже на неограниченном пространстве требуется выполнение одного весьма важного условия – необходимо знание начального состояния взаимодействующих между собой элементов с бесконечной точностью. Речь идет как о начальном состоянии в контексте идентичности или субъектности взаимодействующих, так и о потенциальной «направленности» их эволюции. Формализация столь множественной неопределенности, вызванной необходимостью учитывать бесконечный объем информации, оказывается по силам лишь мифическому «Демону Лапласа», уму которого могут быть «известны» все силы в данный момент времени, «одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей». Поскольку для него не остается «недостовренности», «будущее, так же, как и прошедшее», легко предстает «перед его взором» [7, с. 9].

Становится понятным то, что традиционная позитивная причинно-следственная модель, являющаяся основой для структурного (в том числе институционального и системного) подхода, жестко «фиксирующего» и одновременно «замораживающего» во времени идентичности или субъективности взаимодействующих элементов в живой и неживой природе, начинает сильно расходиться со стремительно меняющейся виртуальностью-реальностью. Классическая позитивная модель трансформации мира как его экзистенциальная основа, реализованная в структуре-институте, закономерно привела сознание человека к

переполнению «забытыми вещами» и, как следствие, к его «остановке» и «заморозке», чреватой «закольцовыванием» истории его эволюции. Заговоры, тайные общества, властные династии, оппозиционные организации, политические порядки, политические институты, различного рода вынужденные и инициативные политические объединения, политическая культура, политическая мораль и политическая нравственность так «нагрузили» сознание человека определенными стереотипами, что у него создалась иллюзия полноты знаний о мире, в котором ему будет уютно существовать, и его предсказуемости.

Очень быстро оказывается, что в иллюзии всемирного и всемерного контроля человек может пребывать лишь до момента появления очередного «черного лебедя», загоняющего его в логический тупик, из которого придется искать выход. В рамках позитивной модели это можно сделать лишь одним способом – путем бесконечного внесения «малых поправок» в избранную человеком позитивно-структурную ньютоновско-лапласовскую модель мира, что делает ее неустойчивой. Подобно своеобразному микроскопу, эта неустойчивость начинает вытягивать всё более мелкие возмущения на макроуровень – на уровень человеческих представлений о «бытии» и «времени». За этим закономерно следует необходимость корректировки способов представления человека об окружающем его мире и его месте в нем и допустимых действий, что чревато возникновением цепочки системно-функциональных конфликтов внутри создаваемых им структур и институтов, фактически приговаривающих их к недееспособности.

Окружающая нас действительность постоянно демонстрирует то, что собрать воедино разнородные ограниченные экзистенциальные теоретические системы, в основе которых лежит пусть и один, но априори упрощённый функционал, в единую модель мировосприятия практически невозможно. Кризис системы международных отношений, кризис государства, кризис парламентаризма, правительственный кризис, партийный кризис – одним словом, всеобъемлющий перманентный политический кризис закономерно толкает нас на поиск нового подхода к мировосприятию, позволяющего отказаться от классической системы представлений о ньютоновском, силовом взаимодействии неявных элементов в бесконечной, но априори структурированной среде. По сути, речь пойдет о поиске нового универсального подхода к описанию, анализу и синтезу сложных фрактальных социальных конструкций, в основе которых будет лежать субъективная неопределенность входящих в нее уникальных элементов. Многоаспектность и нелинейная дина-

мика взаимодействий между ее составляющими, оказывающие влияние на эволюцию их субъектности, начинают распространяться не только на всю «антропосоциальную» агломерацию и на всякую «витальную материю», но и на «живые силы» в любых естественных или искусственных материальных образованиях, делая любые ассамбляжи и социальные построения еще более подвижными [2; с.7]. Речь, возможно, придется вести о поиске некоего синтетического, неклассического оператора, способствующего запуску процесса синтеза субъектности и формирования новой связанности субъективностей в рамках, распределенных по всей планете антропосоциальных, живых и неживых, материальных и виртуальных агломераций. Целью настоящей статьи является выявление предпосылок появления подобного оператора, роль которого возьмёт на себя сеть, связывающая все живые и неживые, реальные и виртуальные уникальные «бытия» в природе и обществе, и его новое политическое прочтение.

Поскольку центральным элементом в сети взаимодействий, а значит, и ее главным концептуальным персонажем становится отдельный человек, которому свойственно менять свою субъектность под воздействием пережитого им опыта и накопленных знаний, закономерно обратиться к феноменологии, оперирующей хайдеггеровскими понятиями «бытие», «присутствие», «соприсутствие других» и «повседневное событие». Наделение человеком субъективностью себя и всех в его окружении, исходя из лежащей в основе феноменологического подхода собственной интенциональности, становится основой для появления многосложных смешанных форм в рамках классической позитивной теоретической модели эмоционально-рациональных политических, социальных, экономических, культурных и пр. взаимодействий в духе «заменяющей-подчиняющей» или «заступнической-освобождающей «заботливости» [12; с.115–130]. Несмотря на то что это делается исключительно во имя достижения человеком для себя некоей цели, некоего «блага», а с ним «совершенства» и «красоты», подобное «замыкание» человека на самом себе посредством бесконечно разрастающейся собственной субъективности чревато созданием себе и другим определенного дискомфорта в виде разногласий и конфликтов, а значит, и потенциальным «выпадением» каждого вновьявленного субъекта из благодатной картины общего мира.

Подобное «заботливое» желание человеком субъективного первенства и единства в мире закономерно приводит нас к необходимости актуализации лишённого своей отдельной сферы взаимодействий фено-

мена политического. Возникает вопрос о некоей новой модели политизации субъективности. Очевидно, что с точки зрения бытийной «заботливости» она окажется тесно связанной с разрешением феноменологической и даже экзистенциальной проблемы ориентации на конкретную, идеологически закреплённую и универсальную норму, фиксирующую интенциональность, истину и красоту человеческого «бытия» вкупе с выделением «идеала» в виде «учителей» как поверенных трансцендентного мира. Отказ от абсолютизации «блага» в духе ницшеанского нигилизма с его относительностью, прагматичностью, культурной и исторической автономией «идеала» истины и морали рискует вернуть феномен политического в состояние «человеческого, слишком человеческого» с присущим ему понятием «добра и зла», «хорошего и плохого», «аскетической морали», «нравственности нравов» и «справедливости» как «баланса между приблизительно равномогущими натурами». От «рассасывания» политического первенства в понятии первенства «душевного» не спасает и то обстоятельство, что «высшая каста» учителей может превратиться в душевных «жрецов». Предпочитая для своей идентификации практически те же самые основания, они рискуют довести «человеческое» до такой крайности, за которой «пропасть» между человеком и человеком даже «Ахилл свободомыслящий» сможет преодолеть «не без дрожи ужаса» [11; с.291–305]. Очевидно, что ни о каком «благее», «совершенстве» и красоте человеческого «бытия» в этом случае говорить не приходится. Остается один путь для спасения антропосоциальной сущности человека, а с ней и политического единства человечества (его, как это ни парадоксально, предложил сам основатель феноменологии) – проблематизировать хайдеггеровскую «мирность мира» путем «изменения тематического сознания о мире» в пользу изначально разделяемого, но проживаемого сейчас совместно «предданного мира» [4; с.196]. Подобный подход, вероятно, позволит обнаружить новую сущность межличностных отношений – разделённых и совместных одновременно, а с ней и новое место и сущность политического, лежащего в основе всех виртуальных и реальных социальных построений.

Поскольку речь пойдет о новой форме взаимодействий – сетевых, необходимо более подробно остановиться на их глубинной сути. Очень быстро выясняется, что столь знаковая латуровская акторно-сетевая модель взаимодействий, оперирующая связанностью, взаимосвязанностью и гетерогенностью, может рассматриваться лишь в качестве одной из значимых точек сборки онтологии сети. В разных контекстах акторно-сетевая теория может представлять и в качестве консервативной

методологии, оценивающей совместное социальное бытие, и в качестве сомневающейся не только в привилегированном положении, но и в самом существовании социального как бытийной сущности особого рода, и даже в качестве космополитического проекта бытия. В результате можно говорить о том, что акторно-сетевая теория в различных ее интерпретациях имеет определенные пределы – «всё зависит от того, какого рода действие перетекает от одного к другому». Поскольку речь идет о действии как работе, движении, изменении, потоке событий, то суть сети, действительно, следует обозначить как «сеть действий» (worknet) вместо общепринятой «действующей сети» (network) [8; с.199–201]. Именно на этом моменте хочется заострить внимание читателя. Всё дело в том, что при переходе от феномена «действующей сети» к феномену «сети действий» упрощается и фактически утрачивается ее глубинная суть. «Троичная» ментальность узла сети (отсылающая к самим себе через соотнесение одной вещи с другой, через отношение, закон или необходимое), вдохновляющей его на «акты», содержащие символический элемент некоего закона (давать, обменивать); на интерпретации, отсылающие к некому элементу смысла; на интеллектуальные ощущения отношений типа ощущений, сопровождающих употребление логических союзов вроде «потому что», «хотя», «чтобы», «стало быть», «и вот» и т. д., замещается посредством более простой формы, ориентированной исключительно на движение – перцепцию, переживание и действия. Поскольку «троичность» ментальности обнаруживает свою наиболее адекватную многоаспектную репрезентацию – внешнюю для остальных термов как собственных проявлений своей субъектности посредством отношений, подобное упрощение низводит ее к прямому взаимодействию априори однозначно детерминированных гетерогенных материальных объектов, имеющих «свойства модуляций – чувственных (визуальных и звуковых), жестовых, интенсивных, аффективных, ритмических, тональных и даже вербальных (устных и письменных)». Они будут равными в своей способности «действовать и вступать во взаимодействия, в ходе которых и будет определено, кто или что они есть и чем они будут» [5; с.268–324].

Если начальный замысел феноменологии состоял в том, чтобы восстановить универсальность человеческого бытия, его разума, морали, культуры, то избранный ее проводниками путь «разделения» мира на «мирности», предполагающий автоматическое разделение действующих субъектов на «сознательное» видимое-языковое и социально-культурное «бессознательное», во фрейд-лакановском контексте «жела-

ния» и «признания» прямо ставит вопрос о возможности конституирования человеческой интерсубъективности с последующей ее трансляцией вовне и встречной реакции на это действие. Очевидно, что для этой процедуры априори должны быть задействованы два не связанных между собой субъекта, не имеющие ни одной общей части или области пересечения, – бессознательный субъект «желания» и аналогичный ему по своему содержанию субъект «признания». Вне зависимости от ситуации один из них всегда представляет другой, а значит, его «идея» делает его «знаком». В результате, в соответствии с логикой Пор-Рояля, в ходе их взаимодействия всегда возникает некий «знак», глубинная сущность которого состоит в том, чтобы вызвать идею «вещи представляемой» посредством идеи «представляющей вещи» [1; с.46]. Подобное взаимообращение субъективных «знаков» является, на наш взгляд, ключевым моментом для всех дальнейших теоретических представлений о «бытии» субъективностей в «предданном мире», поскольку речь в конечном счете идет о взаимообращении их субъективных «знаков». Ведь если оно по какой-то причине не состоится, то есть «знак» останется в одиночестве, всё сведется в конечном счете к знаковой, целевой системе лакановского «господина», оказавшегося в положении собственного «заложника», обреченного искать нечто быстрое, чем «коммуникация», и одновременно нечто «неподвижное» – «непреодолимое диалогом безмолвие» [3; с.6].

Остановимся на моменте производства «знаков» представляющих и представляемых вещей подробнее. Поскольку речь пойдет не о проявляющейся в ходе «движения» субъектности узлов сети, а об их отношениях, между ними возникает достаточно сложная цепочка обмена «знаками», отягощенная воспоминаниями, грезами и «мирностями». В результате этого теперь не движение детерминирует время, загоняя его в кадр – в определенные рамки, а, наоборот, время детерминирует движение, монтируя тем самым неограниченную сетевую реальность. При этом чисто оптическая и звуковая ситуация (описание) является лишь актуальным образом субъекта, который вместо того, чтобы «продлеваться в движение», вынужден встраиваться в цепь вместе с домысливаемым виртуальным образом, «формируя с ним замкнутый круг» образов. Благодаря этому субъективность обретает новый смысл – «не моторный и материальный, а временной и духовный» [5; с.324]. Речь фактически идет об активном создании коммуницирующими, метафизическими, невыразимыми и неартикулированными субъектами своих актуальных и виртуальных «образов» и «обмене» ими в процессе взаимодействия. Создавая «образы» посредством «языка» и, заметим, не

только посредством него (в настоящее время любой «видимый», а значит, «возможный» для психологической интерпретации визуальный образ – маска, символ, мем, смайлик наряду со звуком и тактильными ощущениями), метафизический бессознательный субъект делает возможной собственную артикуляцию, а с ней и признание в том или ином качестве другими субъектами. При этом чем больше образов и чем они будут разнообразнее и даже, на первый взгляд, «глупее», тем более широкое поле для анализа желаний, устремлений «субъектов» возникает. В результате шансы узнать о коммуницирующих субъектах что-то новое повышаются. Ведь из всего сказанного ими можно сделать определенные выводы – даже, на первый взгляд, в «глупом», магическом поведении субъектов легко усматривается их реакция на конкретную ситуацию, которая будет восприниматься «аффективно», даже несмотря на то что ее сущность может лежать «в сфере интеллекта» [9; с.163]. Совершенно естественно, что анализировать «образы», встраивая их в некую социальную общность и даже в сеть действий, более не имеет смысла. Важным является лишь признание «желаний» субъектов, становящихся основой для действующей сети.

Благодаря этому мы естественным образом можем перейти от субъектов отношений к связанным между собой лакановским означающему и означаемому, или, иначе говоря, на императивы желаний и встречную реакцию на них. Получая взаимные инъекции, образы означающего и означаемого начинают «дрейфовать» по сложной траектории, создавая «серии» знаков, которые могут либо регрессировать и сходиться между собой, либо, наоборот, прогрессировать и расходиться. По сути, речь идет о непрерывном потоке событий – выражении отношения одного субъекта к состоянию другого субъекта посредством создаваемых ими «образов». Создаваемые субъектами «образы» начинают играть роль «посредников» в отношениях, которые можно будет идентифицировать по двум направлениям-смыслам – «субъект» отношений и «означающий» его образ и «субъект» отношений, и образ, «означающий» в отношениях «другого субъекта». Поскольку эти «образы» будут связаны между собой посредством бинарной системы отношений – субъекта с собственным образом и образом другого, можно говорить о том, что именно они начинают играть важную роль. В них, так или иначе, будет происходить артикуляция политической позиции субъектов отношений. Генетическим знаком отношений становится дискурсив, или ситуация, или действие дискурса, который уже не будет зависеть от вопроса: «Осуществляется ли сам дискурс в языке?» [5; с.329]. В результате поли-

тические «образы» субъекта с их идеями и отношениями будут формироваться посредством политического «образа» другого субъекта по двум направлениям – замкнутого на себя и «истерически» самоизолированного «господина» или открытого и «учащегося» у мира эволюционирующего «аналитика» [6; с.22–24]. Это в корне меняет смысл политического. Теперь это уже не столь привычное нам шмиттовское разделение субъектов отношений на «друзей» и «врагов», а целенаправленное создание ими политических «образов», способных постепенно детерминировать сами субъекты в том или ином качестве.

Часто используемому и ставшему универсальным шмиттовскому политическому разделению человеческих субъектов на «друзей и врагов» противопоставляется кое-что иное – то, что окажется способным сохранить нечто общее в условиях инспирирования полиформальности виртуальных «преданных миров». По своей глубинной сути, это соответствует арендтовскому пониманию политического, которое исходит из положения о том, что «не человек, а люди населяют землю» [14; с.234]. Речь в конечном счете следует вести о лишенном какого-либо конкретного содержания мнении отдельного человека «вообще», всегда выражающего типизированное представление, принадлежащее всем и не принадлежащее никому в отдельности. Именно это видится непременным условием существования «общественного мнения», которое возникает вследствие отказа либо от собственной субъективной принадлежности, либо от собственного субъективного содержания.

Можно говорить о возникновении сложной сети политических отношений между субъектами, в которой логика сопряжения их между собой может быть лишь домыслена наблюдающим при условии «погружения» в них в качестве равноправного их участника. Заметим, что это полностью совпадает с копенгагенской интерпретацией квантовой механики, в соответствии с которой первоначально ограниченная атомным миром «квантовая неопределенность» объектов может быть устранена лишь в ходе прямого наблюдения за ними подобно шрёдингерскому коту. Ведь с момента, когда стало возможным «дополнить атом штуковиной, именуемой кварком», «научный дискурс» начал «развиваться в этом русле», а значит, речь следует вести уже «не о мире, а о чем-то другом» [6; с.46]. От себя дополним: не об одном мире реального движения, а о множестве виртуальных миров времени для каждого из субъектов, а следовательно, и «политических» вариантах их дискурсов – социального взаимодействия, при котором они все взаимно пересекаются, одновременно стараясь не продемонстрировать свою зависимость от остальных.

Это актуализирует вопрос о заблуждениях, возникающих при переходе от традиционной силовой, ньютоновской, «объект-субъектной» модели социальных взаимодействий к сети «субъект-субъектных», квантовых отношений. Первое из них касается естественно возникающей субъектной многополярности. Шизофренически замкнутый на самого себя, депрессивный, «истерически» самоизолированный «господин» рискует погрузить мир или в состояние гиренковского «археоавангарда», в котором прошлое субъекта будет детерминировать его будущее, или фаевского «археофутуризма», в котором ницшеанское «вечное возвращение» неминуемо вернет его в лоно архаических ценностей – к странному симбиозу подлинного федерализма и твёрдой центральной власти, высоких технологий и традиционных аграрных сообществ, христианства и языческой философии. В противовес самоизоляции его шизофренический, самоуверенный, агрессивный антипод, наоборот, способен создать явные предпосылки для кибернетизации мира до состояния «киберготики», при котором краткосрочное рискует быть «взломанным» долгосрочным, среднесрочное разобьётся о «шизофрению», а долгосрочное будет вообще отменено. Очевидно, что и в одном, и в другом случае истерической шизофреничности дискурса «господина» говорить о многополярном, «субъект-субъектном», сетевом взаимодействии вообще не имеет смысла вследствие утраты субъектом человеческого естества [10; с.157].

Второе заблуждение является производной первого заблуждения. Речь пойдет о суверенитете субъекта отношений. Вполне очевидно, что любая попытка его обретения «истерическим» путем закономерно заходит в тупик, провоцируя бесконечные конфликты между безответственными или излишне самонадеянными субъектами отношений. Следует заметить, что столь рискованные политические эксперименты в традиционной манере исключительности – самоудалиться или возглавить, отказаться от своей самости или зафиксировать ее на веки вечные, закрепив за собой территорию, мораль, право и пр. – продолжают тянуться из прошлого в настоящее, преследуя лишь одну цель – связать противоречивые намерения и устремления субъектов отношений в одну гипотетическую ментальную, социальную, «археоавангардную», «археофутуристическую» или, наоборот, «киберготическую» конструкцию. Заметим, что по своей глубинной сути они схожи: в их основе лежит отказ человека от человеческой сущности.

Выход из подобного логического тупика, организованного «истерически» самоизолированным «господином», напрашивается сам собой. Речь, возможно, следует вести о кардинальной смене политической

сути сетевого дискурса, при котором любая подобная позиция субъекта замещается позицией открытого и «учащегося» у мира эволюционирующего «аналитика». Поскольку политика в этом случае видится ситуативной, непрерывный процесс возникновения и смерти человеческой «исключительности» и их ситуативная радикализация не доходит более до состояния шизофренического, всеразрушающего радикального «самоабсолюта». Это заставляет по-новому взглянуть на весь спектр стабилизирующих бытие, объединяющих или разъединяющих его анархических и революционных импульсов теперь уже с позиции постмодернистской, квантовой неоднозначности субъектов.

Отход от разъединяющего и разрушающего шмиттовского понимания политического и переход, по сути, к компромиссной, арендтовской его трактовке, исключающей любую субъективную универсальность перспектив опыта в сети отношений, где каждый субъект проявляется посредством других, заставляет пересмотреть классическую и достаточно простую нисходящую логическую последовательность событий – «субъект – объект – свойства – отношения» в пользу гораздо более сложной и неоднозначной – «отношения – дискурс – свойства – субъект». Вероятно, что подобный переход позволит адекватно объяснять и ризомность отношений, и революцию, и анархию, и диссипативные системы, и самоорганизацию, и невозможные сообщества, лишенные привычных дихотомий, типа «живое – неживое», «внутреннее – внешнее», «наблюдатель – наблюдаемое», «объективное – субъективное». Фактически речь идет о принципиально ином, сетевом взгляде на мировое устройство как на постоянно эволюционирующую глобальную общность, исключающую любое политическое разделение на белое и черное, добро и зло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс сетевизации отношений формирует потребность в осмыслении политики не с позиций дедуктивной логики, основанной на заданных большими социально-политическими формами детерминированных изменениях, а исходя из ориентации на «внутренний взгляд» каждого отдельного «человека политического». Постоянную потребность человека декларировать собственную «самость», идентичность относительно других людей и одновременно в своём поведении ориентироваться на их точку зрения можно считать важнейшим свойством коммуникации во имя познания мира. Мы становимся свидетелями того, как смена векторов отношений между субъектами, их политическими обра-

зами и образами их политических визави меняет восприятие их субъектности, в частности, в контексте суверенности и многополярности. Благодаря этому происходит изменение партийной субъектности, национальной субъектности, государственной субъектности, цивилизационной субъектности – мы оцениваем, а значит, и нас оценивают.

Тенденции к изменению мышления и мировосприятия, в свою очередь, приводят к смене парадигмы создающих политического субъекта отношений. Благодаря этому намечается переход от «конкуренции» и «конфронтации» в духе бинарной логики отношений к активному поиску «гармонии» и «единого будущего» субстантивно множественных субъектов – «политических людей». Лейтмотивом новой эпохи видятся «коммуникация и кооперация», основанная на политическом подходе, фокусирующемся на индивидуальных социально-психологических процессах и лежащих в их основе психологических механизмах. При этом лишь адекватная оценка человека окружающей его реальности, а именно социально-психологического состояния людей в его окружении и их желаний, позволяет сместить акцент с изучения распространённости тех или иных позиций и настроений в обществе на индивидуальные, часто эмоциональные индивидуальные «предпочтения – неприятия». Всё это указывает на важность изучения механизмов рационального и иррационального политического взаимодействия людей, образования и разрушения ими организационно не оформленных, «неявных политических сообществ».

Библиография / References:

1. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / Антуан Арно и Пьер Николь: пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М.: Наука, 1991. – 417 с.
2. Баннетт Джейн. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Баннетт; пер. с англ. А.А. Саркисянца. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220 с.
3. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр. – М.: «РИПОЛ Классик», 1983. – 118 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
5. Делез Ж. Кино / Жиль Делез пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: «Ад Маргинем», 2004. – 624 с.

6. Лакан Ж. Семинар, Книга XX (1972/73). Пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Логос. – 176 с.
7. Лаплас Пьер Симон. Опыт философии теории вероятностей / Пьер Симон Лаплас; пер. с фр., под ред. и с предисл. А. К. Власова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 206 с.
8. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс; пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
10. Назаренко А.В. Многополярность как глубинная суть сети отношений: от «археофутуризма» к «киберготике» // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 156–163.
11. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы: пер. с нем. – Минск: Харвест, 2009. – 1037 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2011. – 460 с.
13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; пер. с нем. Ю. Айхенвальда. – М.: Эксмо, 2020. – 576 с.
14. Arendt, H. The human condition / by Hannah Arendt. Second edition; introduction by Margaret Canovan. Originally published. Chicago: Chicago University of Chicag Press, 1958 – 350 p.

1. Arno, A., Nikol', P. (1991) Logika, ili iskusstvo myslit', gde pomimo obychnykh pravil sodержatsia nekotorye novye soobrazheniia, poleznye dlia razvitiia sposobnosti suzhdeniia [Logic, or the art of thinking, which, in addition to the usual rules, contains some new considerations useful for developing the ability to judge] / per. s fr. V. P. Gaidamaka. M.: Nauka, – 417 p. (In Russ.)

2. Bannett, D. (2018) Pul'siruiushchaia materiia: Politicheskaia ekologiia veshchei [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things] / per. s angl. A.A. Sarkis'iantsa. – Perm': Gile Press, – 220 p. (In Russ.)

3. Bodriiar, Zh. (1983) Fatal'nye strategii [Fatal Strategies] / M.: «RIPOL Klassik», – 118 p. (In Russ.)

4. Gusserl' E. (2004) Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiia [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. SPb.: Vladimir Dal'. – 399 p. (In Russ.)

5. Delez, Zh. (2004) Kino [Movie] / per. s fr. B. Skuratova. M.: «Ad Marginem», – 624 p. (In Russ.)
6. Lakan Zh. (1972/73) Seminar, Kniga XX [Seminar, Book XX] / Per. s fr. A. Chernoglazova. M.: Logos. – 176 p. (In Russ.)
7. Laplas, P. (2011) Opyt filosofii teorii veroiatnostei [Experience in the philosophy of probability theory] / per. s fr., pod red. i s predisl. A. K. Vlasova. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», – 206 p. (In Russ.)
8. Latur, B. (2014) Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory] / per. s angl. I. Polonskoi; pod red. S. Gavrilenko; Nats. issled. un-t «Vysshaia shkola ekonomiki». — M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, — 384 p. (In Russ.)
9. Levi-Stross, K. (1985) Strukturnaia antropologiya [Structural anthropology] / per. s fr. pod red. i s primech. Viach. Vs. Ivanova. – M.: Nauka, – 536 p. (In Russ.)
10. Nazarenko, A. (2022) Mnogopoliarnost' kak glubinnaia sut' seti otnoshenii: ot «arkhefuturizma» k «kibergotike» [Multipolarity as the deep essence of the network of relations: from "archefuturism" to "cybergothics"] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia [Socio-humanitarian knowledge]. – № 6. – P. 156-163. (In Russ.)
11. Nitshe, F. (2009) Genealogii morali [Genealogy of morality] / Tak govoril Zaratustra. K genealogii morali. Rozhdenie tragedii. Volia k vlasti. Posmertnye aforizmy [Thus spoke Zarathustra. On the genealogy of morality. The birth of tragedy. Will to power. Posthumous aphorisms]: per. s nem. Minsk: Kharvest. – 1037 p. (In Russ.)
12. Khaidegger, M. (2011) Bytie i vremia [Being and time] / Per. s nem. V.V. Bibikhina. – M.: Akademicheskii Proekt. – 460 p. (In Russ.)
13. Shopengauer, A. (2020) Mir kak volia i predstavlenie [The World as Will and Representation] / per. s nem. Iu. Aikhenval'da. – M.: Eksmo. – 576 p. (In Russ.)